

XXXVII.

№ 25

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выдаётся 24-го июня 1906 г.

Подписная цена с доставкой и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цена этого №—15 к., с перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полного собрания сочин. Салтыкова-Щедрина“ кн. 24.

Саксонка.

Историко-бытовая повесть.

Гр. Салиаса.

(Продолжение).

Никапоръ долго молчалъ и какъ-то нѣхотѣлъ подѣ взглядомъ барыни, и наконецъ вымолвилъ:

— Виновать, сударыня.

— Что виновать? Въ чемъ?

— Виновать-съ. Баринъ сираши-валъ, а я отвѣтствовать.

— Да вѣдь ты, отвѣтствуя-то, на-лгалъ только. Ничего такого никогда не бывало, а ты насаказалъ Богъ-вѣсть что.

— Точно такъ-съ.

— Какъ точно такъ?—почти за-орать Иванъ Дмитріевичъ.

— Ну, вотъ теперь, — улыбаясь, выговорила Алла Павловна:—и скажи барину, что виновать, молю. Сдуру Богъ-вѣсть что выдумалъ да вамъ наболтать.

— Точно такъ-съ, — отозвался, смущаясь, Никапоръ.—Простите, лука-вый попуталъ, Богъ его знаетъ, съ чего всякое такое попричилось мнѣ.

— Такъ все, что ты говорилъ, все одно вранье?—вскрикнулъ Масловъ.

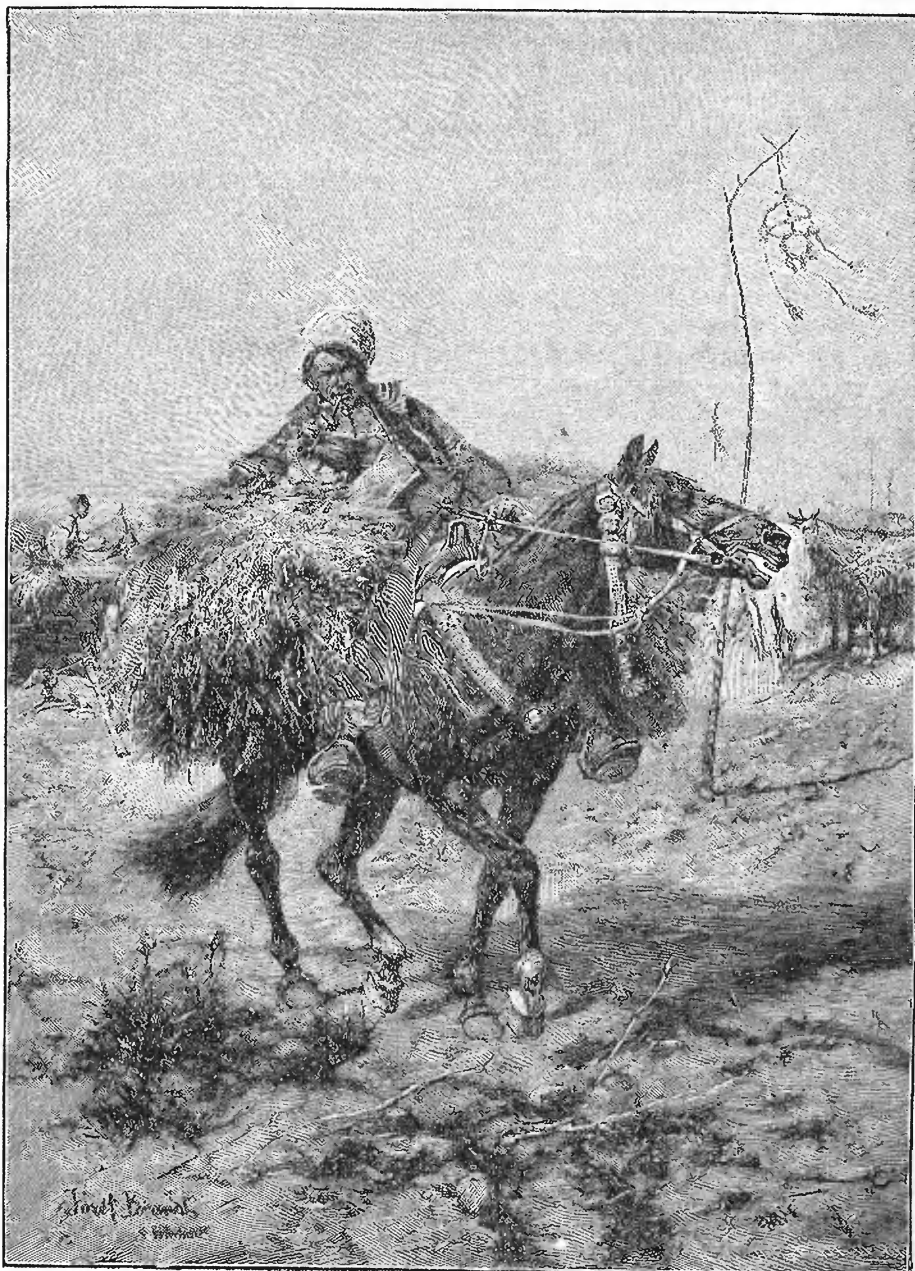
— Точно такъ-съ. Стало, вранье одно выходить.

Иванъ Дмитріевичъ развелъ руками и, приказавъ слугѣ выйти, выговорилъ тихо:

— Ничего не понимаю. Вѣдь я, Алла Павловна, я самъ и безъ Ника-пора знаю, что она должна была быть у васъ. И что вы ее, полагательно, видѣли, допустили и... и разспросили. А она лгать не можетъ. Стало-быть, все и сказала.

— Не знаю... опять говорю... Не знаю, про что и про кого вы ска-зываете.

Масловъ развелъ руками и сидѣлъ, потупясь, какъ виноватый. Онъ не вѣрилъ словамъ жены. Онъ вѣрилъ

Съ фуражировки.
Картина Ю. Брандта, гравюра Годана.

факту, подтвержденному ифмкой Амаліей Карловной и лакеемъ Никаноромъ. Наконецъ, онъ будто чуялъ, что Таня была въ этой самой комнатѣ. А если была, то все рассказала. Все! А жена отрицаетъ даже свиданіе съ ней.

— Бросимъ это глупое дѣло. Иванъ Дмитріевичъ, — вдругъ заговорила женщина. — Стоить ли изъ-за марёва воть этакъ задумываться и будто тревожиться.

— Изъ-за марёва! — воскликнуть невольно Масловъ.

— Вѣстимо. На свѣтъ многое что — марёво одно. Если прислушаться, да приглядѣться, да сердцемъ уразумѣть, что ли... то все разсынется, какъ въ сказкѣ, мелкимъ бисеромъ да во прахъ обратится.

— Стало-быть, вы... — началъ было Масловъ и смолкъ.

Она молчала и будто ждала.

— Стало-быть, вы, Алла Павловна... Стало, ты, Алла моя, совсемъ будто другое заговорила. Говоришь, что если что и есть, такъ оно... такъ его надо почитать, какъ марёво. Сердцемъ взять, уразумѣть сердцемъ... И явь станетъ марёвомъ. Такъ ли?

XVII.

Послѣ этого разговора съ женой Иванъ Дмитріевичъ вышелъ отъ нея совершенно растерянный и смущенный.

Онъ ничего не понималъ. Жена задала ему загадку почище тѣхъ, какія онъ задавалъ дѣтямъ.

Прежде всего онъ вспомнилъ, что надо объяснить свое появленіе на Вспольѣ безъ своихъ лошадей и безъ подарковъ. Последнихъ нѣтъ потому, что онъ до Москвы не доѣхалъ, это понятно. И ихъ привезетъ посланный туда Коломенскій. Но гдѣ взвалили и поломали карету? Далеко или недалеко? Если далеко, то зачѣмъ же онъ вернулся въ тѣлѣжкѣ назадъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать уже прямо до Москвы? Если все происшествіе случилось ближе къ Всполью, то онъ долженъ былъ уже давно быть дома. Гдѣ же онъ пропадалъ? Сидѣлъ на дорогѣ около сломаннаго экипажа? Наконецъ теперь надо войти въ новый уговоръ съ людьми: съ кучеромъ Федотомъ и съ казачкомъ Никиткой. Приказать холопамъ про что-либо молчать — можно въ качествѣ барина. А уговариваться вмѣстѣ, лгать, рассказывая заведомый вздоръ — унижительно для барина.

„Что же тутъ дѣлать?“ — съ отчаяньемъ думалъ Масловъ и наконецъ разсердился... Разсердился на обстоятельства, поставившія его въ безвыходное положеніе. Онъ, всѣмъ владыка, теперь, какъ мальчишка, оправдывается передъ всѣми.

И самолюбіе капризною, избалованною прихотью взяло верхъ. Коли онъ виноватъ, то это его дѣло, и все-таки извиняться ему не подѣсть.

Увидя сына, Иванъ Дмитріевичъ объяснилъ ему кратко:

— Взвалили! Поломали! Ну, да что объ этомъ. Глупо.

На какой-то новый вопросъ Мити онъ отвѣтилъ:

— Не помню... Надоѣло и вспоминать. Глупость Федота.

И онъ заговорилъ о другомъ, а когда черезъ часъ старшая дочь задала тотъ же вопросъ: гдѣ, какъ и что приключилось, Иванъ Дмитріевичъ, будто разсердясь, прикрикнулъ:

— Надоѣли вы мнѣ наконецъ. Всякій въ свой чередъ все объ томъ же. Что-жъ мнѣ теперь, всю мою жизнь только и дѣлать, что рассказывать дурацкій случай? Буде! Слышите! Надоѣли!

Разумѣется, всему былъ конецъ, и никто уже не заикался о московской поѣздкѣ.

Оставалось болѣе серьезное. Прежде всего повидать Танюшу и узнать разъясненіе двухъ загадокъ: кто началъ и, разгрозивъ, съегъ усадьбу? Вѣроятно, настоящіе грабители. Но почему они сослались на Аллу Павловну? Это странно для грабителей.

Вторую узнать было проще и легче: была ли Танюша и сидѣла ли чуть не цѣлый день съ Аллой Павловной. Если не была — слава Богу! Какъ гора съ плечъ! А если была, то тогда какъ понять жену?

На другое же утро Иванъ Дмитріевичъ выѣхалъ по

дѣлу въ маленькой таратайкѣ и одианъ, безъ провожатаго. При этомъ, будучи якобы утрюмъ, онъ никому не сказалъ, куда ѣдетъ, такъ какъ никто и не сунулся спрашивать, опасаясь гнѣва.

Быстро доѣхавъ до села, гдѣ была Танюша, онъ вздохнулъ свободнѣе, увидя ее собственными глазами не только невредимой, но и веселой.

Расцѣловавъ дѣвушку нѣсколько разъ, онъ выговорилъ ласково, хотя и готовился заговорить съ ней грозно.

— Ну, зарѣзывай безъ пожа! Была ты на Вспольѣ?..

— Я не знала, что дѣлать, какъ дать вамъ знать... — виновато заговорила Танюша.

— Была ты? Была? Видѣлась съ Аллой Павловной?

— Была, Иванъ Дмитріевичъ, и видѣлась.

Масловъ опѣшилъ, стоялъ передъ Танюшей растерявшись и молчалъ. Наконецъ, окинувъ взглядомъ присутствовавшихъ при встрѣчѣ старуху и ифмку, онъ выговорилъ:

— Уйдите.

Оставшись наединѣ съ дочерью, онъ заставить ее подробнѣйшимъ образомъ рассказать свое свиданіе. Разъ три заставилъ онъ дѣвушку повторить все снова съ самаго начала и припомнить, не забыла ли она хоть что-нибудь, хотя бы одно какое слово Аллы Павловны.

Узнавъ и зная уже наизусть всю бесѣду жены съ дѣвушкой, Иванъ Дмитріевичъ глубоко задумался и долго молчалъ, упершись глазами въ стѣну.

— Ахъ, Алла Павловна. Ахъ, Алла... — тихо, почти шепотомъ произнесъ онъ себѣ самому, и глаза его стали влажными.

На рѣсницахъ навернулись двѣ слезы и скатились по щекамъ.

Иванъ Дмитріевичъ былъ сраженъ...

Зналъ онъ давно Саксонку свою. Видалъ за тридцать лѣтъ супружества многое, за что вначалѣ обожалъ ее, а затѣмъ былъ только глубоко благодаренъ, такъ какъ любовь прошла, и оставалась одна виноватая дружба. Имъ завладѣла Настасья Прохоровна безраздѣльно, и обожаніе, еще болѣе пылкое, перешло на нее. За это время онъ пональ окончательно, что доброта жены, ея самопожертвованіе, ея самоотреченіе граничили со святостью.

Но вѣдь всему есть предѣлъ, мѣра, конецъ. Теперь оказывалось, что доброта и предѣла нѣтъ.

Быть-можетъ, еще никогда за все свое сожителство съ женой Иванъ Дмитріевичъ не былъ такъ тронутъ и разстроенъ, какъ въ эту минуту.

„Какъ другая жена, другія жены, хоть на всю Россію, поступили бы въ такомъ случаѣ?! — спрашивалъ онъ себя мысленно. — Вотъ и скажешь, — думалъ онъ снова: — какъ друзья-пріятеля говорятъ: „Что же, молъ, въ Саксоніи только этакія женщины урождаются? Или она одна такая на всемъ свѣтѣ?“ Но зачѣмъ она отрекается? Лжетъ? Никогда ни единого слова не солгала за всю свою жизнь. А тутъ вдругъ ложь. А ложь такая, за которую обвинять нельзя. И ложь-то эта какая-то особая. Должно, тоже только святые такъ лгутъ. Не въ ущербъ никому, а на пользу. Или же такъ: увидалъ, а говори себѣ: не вижу — марёво“.

И Иванъ Дмитріевичъ, собираясь уже обратно домой, вдругъ удивился тому, что почувствовалъ или замѣтилъ у себя на душѣ.

Ему стыдно было увидѣть жену. Онъ не зналъ, какими глазами посмотритъ онъ ей въ лицо. Ему казалось, что теперь онъ еще болѣе виноватъ предъ ней, хотя ничего новаго не совершилъ.

Давъ денегъ Танюшѣ, чтобы она окончательно напала на время избу, въ которой была, и скорѣе обзавелась всѣмъ необходимымъ, онъ ифжнѣе, чѣмъ когда-либо, расцѣловалъ дѣвушку. Ему показалось, что онъ любитъ теперь Танюшу еще болѣе, чѣмъ до ея свиданія съ же-

пой. Впрочемъ, и ее самою, эту святую, онъ любить теперь больше.

Двинувшись домой быстрой рысью, Иванъ Дмитріевичъ векорѣ поѣхалъ тише и наконецъ шагомъ. Затѣмъ онъ повернулъ лошадь обратно и поелѣ версты свернулъ со своей дороги въ сторону. Онъ направился въ Настасьино, чтобы повидать не Настасью Прохоровну и дѣтей, а кучера Ѳедота. Надо было что-нибудь надумать... Надо было рѣшиться на „согласничество“ съ крѣпостнымъ въ дѣлѣ обмена, лжи и выдумокъ.

Подѣхавъ къ усадьбѣ, онъ направился прямо къ конюшнямъ и крикнулъ Ѳедота.

Кучеръ тотчасъ явился, но былъ, видимо, смущенъ, даже перепутанъ. Онъ только-что вернулся со Всполья, куда ѣздитъ тайкомъ на празднество, и теперь вообразилъ, что барину оно извѣстно.

Но едва только Иванъ Дмитріевичъ сталъ говорить, ласково смѣясь, и объяснять свое дѣло, Ѳедотъ успокоился, а своими отвѣтами успокоить совѣтъ и барина.

— Взвалились въ пути. Поломались. Чего прощѣ, батюшка-баринъ. Я приѣду завтра и скажу рѣшето чудесъ.

И послѣ холоднаго и гордаго „спасиба“ барина Ѳедотъ вымолвилъ:

— А у Настасьи Прохоровны обнова. Пара лошадей. Да какихъ! Не хуже нашихъ. Купили у цыганъ. Желаете взглянуть?

И, не дожидаясь приказанія, Ѳедотъ крикнулъ конюху вывести новыхъ коней барину.

При видѣ лошадей, Иванъ Дмитріевичъ такъ громко ахнулъ, что Ѳедотъ даже удивился.

— Стало, кони еще лучше, чѣмъ я думалъ, коли вы такъ удивились,—сказалъ онъ.

— Гдѣ купили?.. У кого?.. Когда? — выговорилъ Масловъ, тараща глаза на лошадей Танюши.

— Не могу знать. Привелъ молодецъ, самъ чернскій будеть.

Иванъ Дмитріевичъ тихо двинулся въ домъ, размышляя: „Какая же и дерзость! Украли и не утаили въ другую губернію, а продали тутъ же, по соседству, за два шага. Молодецъ, чернскій обыватель. А что, если мнѣ приказать понарихъ въ Черни, да его накрыть? Слѣдовало бы. Послать кого поумнѣе, а съ шимъ Ѳедота, чтобы признать. Надо непременно“.

Войдя безъ шума пѣшкомъ во дворъ, Иванъ Дмитріевичъ засталъ хозяйку врасплохъ. Настасья Прохоровна отъ неожиданнаго появленія даже легко вскрикнула, но тотчасъ рассердилась.

— Вотъ охота такъ шутить, чтобы пугать людей.

— Я вовсе не ради шутки, Настенька. Я подѣхалъ прямо къ конюшнѣ, чтобы повидать Ѳедота, а отсюда ужъ дошелъ...

— Къ конюшнѣ...—проговорила женщина и запнулась.

— Да. И новыхъ вашихъ лошадей видѣлъ.

— Видѣли... Ну, что-жъ, видѣли, такъ и видѣли. Мнѣ цыганъ продалъ, конокрадь. Онѣ, навѣрно, ворованныя, потому что больно ужъ дешево онѣ ихъ отдалъ.

— Да, это твоя правда. Онѣ ворованныя. Я даже знаю, у кого. У моего пріятеля, недалеко отсюда.

— У вашего пріятеля?—вдругъ раземѣялась женщина громко и насмѣшливо.—Что же вы... Скажете ему, гдѣ онѣ оказались?

— Не знаю. Можетъ-быть. По справедливости, надо бы ему ихъ отдать. Да надо бы и конокрада упрятать въ острогъ, а то и въ каторгу сослать.

— Въ каторгу за пару уворованныхъ лошадей? Больно строги вы, Иванъ Дмитріевичъ.

— Не за одну кражу... А, можетъ, за болѣе важное что.

— Да вы-то почему же это объ немъ знаете?

— Такъ, сказываю наобумъ, предполагаю. Можетъ,

уворовывая, онъ убилъ тамъ кого-нибудь. Вотъ тогда и попадетъ въ Сибирь.

— Да вѣдь вы шкуру-то съ медвѣдя больно рано собрались снимать. Надо его прежде убить.

— И это мнѣ можно, Настенька.

— Это какъ?—снова смутясь, воскликнула женщина.

— Ну, это тебѣ не любопытно... А гдѣ же мои касатки?

— Въ саду, — сурово отозвалась Настасья Прохоровна.

XVIII.

Необычно смутные дни пережили Масловы, мужъ и жена: Иванъ Дмитріевичъ—отъ разгрома усадьбы дочери и поисковъ ся мѣстопоходженія, Алла Павловна—изъ-за внезапнаго посѣщенія дѣвушки, милой и привлекательной, и изъ-за смерти и похоронъ Катерины Ильиничны. Наконецъ и мужъ, и жена поповоль имѣли загадочный разговоръ, который сталъ знаменательнымъ въ ихъ жизни.

Такъ же точно, за эти же дни въ жизни Мити, тридцатилѣтняго юноши, или „монаха“, какъ его звали всѣ на Вспольѣ, случилось тоже нѣчто необычайное.

Все то, о чемъ онъ давно слыхалъ, но что самому ему было незнакомо и даже непонятно, теперь внезапно приключилось съ нимъ и страшно смутило.

Онъ уже нѣсколько дней ходилъ задумчивый, даже скучный, и на вопросы сестеръ, и взрослыхъ и маленькихъ, которые всѣ равно замѣтили въ немъ какую-то перемену, онъ отвѣчалъ ложью. А этого еще никогда не бывало. Въ его жизни нечего было скрывать и поэтому никогда и не приходилось отдѣлываться лганьемъ.

— Что такое съ тобой, Митя? — спрашивали сестры.

— Нездоровится. Голова болитъ,—отвѣчалъ онъ, смущаясь и отъ своей лжи, и отъ того, что было на душѣ и что приходилось прикрывать этой ложью.

Случилось съ нимъ нѣчто совсѣмъ простое, пожалуй, хорошее, но неожиданное и удивительное настолько, что казалось ему даже страшнымъ.

Въ день смерти старухи-приживалки, къ вечеру начался въ домѣ переполохъ. Не потому, что эта смерть могла имѣть какія-либо послѣдствія или была принята близко къ сердцу обитателями дома, а потому лишь, что, при однообразной и пустой жизни на Вспольѣ, малѣйшее приключеніе, не только мелкое происшествіе, подымало всѣхъ на ноги, чрезвычайно занимало и даже волновало.

Среди ненужной и праздной бѣготни и болтовни въ домѣ, безсмысленныхъ „оховъ“ и „аховъ“ дворовыхъ, Митя, ѣздившій верхомъ и вернувшійся домой въ самый моментъ всеобщей сумятицы, напелъ на крыльцѣ незнакомую ему молодую дѣвушку.

Онъ вспомнилъ, что у матери съ полудня сидѣла какая-то прѣзжая по дѣлу, но онъ не зналъ, старая она или молодая, и поэтому теперь не зналъ, та же ли это прѣзжая гостя стоитъ передъ нимъ.

Танюша, стоявшая одна на крыльцѣ, была уже тутъ давно. Алла Павловна, отпустивъ ее отъ себя, не могла знать или предвидѣть, что случится. Дѣвушка оставила свою телѣжку съ кучеромъ на сѣлѣ, а какъ пройти туда, она не знала. Трое людей, шмыгнувшихъ мимо нея, отвѣчали на ея вопросъ о дорогѣ:

— Да вотъ же прямо...

Она два раза пошла по указанному направленію и оба раза вернулась, дойдя первый разъ до какой-то начатой постройки уже на полѣ, а второй разъ зайдя въ глушь большого сада.

Когда молодой мальчикъ въ простой ситцевой рубашкѣ и шароварахъ, засунутыхъ въ высокіе сапоги, появился у крыльца и хотѣлъ пройти мимо, она приняла его за двороваго, вѣроятно, конюха или фореятора, такъ какъ въ рукахъ его была палатка, и обратилась къ нему:

— Паренекъ, сдѣлай милость, укажи мнѣ дорогу на село. Ходила два раза, и не дается она мнѣ.

Митя удивился и вопросу, и обращенію.

Грёзы. Картина А. Куртэна, гравюра Бонга.

Филиппъ II съ Эскуріалѣ. Картина Л. Альвареса, гравюра Вонга.

— Что вамъ угодно?—сказалъ онъ, хотя слышалъ и понималъ вопросъ.

— Сдѣлай милость, проводи меня хоть немножко, а если ты свободенъ, то будь добръ, доведи и до села. Я одна боюсь. Небойсь, у васъ тутъ и собакъ много. Загрызутъ.

— Васъ на село провести?—спросилъ Митя.

— Да, голубчикъ. Я тебѣ вотъ цѣлую пригоршню за это дамъ. Мнѣ твоя барыня дала много.

И, опустивъ руку въ карманъ, Танюша вынула горсть орѣховъ и протянула ихъ Митѣ.

Молодой человѣкъ, совѣмъ опѣшившій отъ словъ „твоя барыня“, стоялъ, какъ вкопанный, и не бралъ.

— Мнѣ не жалъ, ей-Богу... Только проводи, будь такой добрый. Ну, бери же, бери!

И, видя, что „парень“ не шевелится, Танюша поняла это по-своему. Она взяла его за руку, повернула ее вверхъ ладонью, а изъ другой своей руки осторожно пересыпала орѣхи. Митя дернулъ слегка руку, которую дѣвушка схватила у локтя, но она при этомъ движеніи еще сильнѣе схватила ее.

Митя вспыхнулъ, и лицо его покрылось яркимъ румянцемъ.

— Говорю: не жалъ,—улыбнулась ему Танюша, наклонясь ближе и въ самое лицо. Голосъ ея былъ ласковъ, даже болѣе...—Ну, теперь води, — прибавила она уже приказомъ.

Митя молча двинулся, точно виноватый или пойманный воръ. Она пошла за нимъ.

Выйдя на дорогу, гдѣ вдали уже видѣлось село, Митя выговорилъ будто чрезъ силу:

— Вотъ.

— Нѣтъ, паренекъ, пожалуйста, до избы доведи. Боюсь я собакъ.

И они снова двинулись рядомъ, медленно и молча.

Танюша внезапно задумалась о томъ, что придется ѣхать ночью по темнотѣ, а ея кучеръ врядъ ли знаетъ хорошо дорогу. Митя, шагая около нея и пользуясь тѣмъ, что дѣвушка задумчиво смотритъ предъ собой, раза два-три кососа глянула на нее, будто провѣряя...

Да! Какъ тамъ, на крыльцѣ, съ перваго раза, такъ и теперь она кажется ему не такой, какъ всѣ.

Молодой человѣкъ довелъ Танюшу до села и до самой избы, гдѣ была ея телѣжка съ лошадыю.

— Ну вотъ, и спасибо тебѣ,—сказала дѣвушка такъ же ласково, какъ когда совала орѣхи въ руку. — Полбѣды прошло, а вотъ еще полбѣды впереди. Коли не цѣлая большущая бѣда.

— Какая бѣда?—заговорилъ наконецъ Митя и самъ удивился своей смѣлости.

— Дорогу плохо знаемъ. И я, да и кучеръ мой. Какъ мы доберемся? Скоро темъ будетъ.

— А куда вамъ ѣхать?

— На Ивановское.

— Я могу васъ верхомъ проводить! — какъ-то крикнулъ Митя съ испугомъ за свои слова, какъ если бы говорилъ кому: „Вотъ, рубли мнѣ голову“.

— А коли тебя твоя барыня спохватится? Ты по дѣлу къ ней шелъ, или такъ просто, къ людямъ?

— Я не... Я... У меня нѣту барыни. Я сынъ...—пролепеталъ Митя.

— Сынъ? Ну, такъ что же? Вѣстимо,—разсмѣялась весело Танюша.—У всякаго есть родители.

— Я сынъ... Алла Павловна мнѣ матушка родная.

Дѣвушка отступила, попятилась, какъ отъ удара, и вспыхнула. Лицо ея загорѣлось огнемъ.

Наступило молчаніе, и не скоро послышался смущенный и виноватый голосокъ Танюши:

— Извините... Простите. Бога ради простите меня, глупую. Я не знала... Кабы я знала, что вы сынъ, я бы васъ за конюха или кучера не приняла. Ей-Богу...

— Я не обидѣлся. Я понималъ... — улыбнулся Митя и

прибавилъ храбрѣе:—Такъ позвольте васъ проводить. Я сейчасъ прикажу лошади себѣ оседлать.

— Нѣтъ. Нѣтъ... — вскрикнула Танюша. — Не надо. Спасибо. Не надо. Какъ можно! Не надо.

— Какъ изволите.

— Прощайте. Идите домой. Извините. Я не нарочно. Идите!—волновалась дѣвушка, и сердце ея стучало молотомъ отъ стыда изъ-за надѣланнаго срама. Она была готова заплакать.

Митя простоялъ предъ ней молча нѣсколько мгновеній и наконецъ выговорилъ со страннымъ отъѣнкомъ въ голосѣ:

— Прощайте.

И онъ двинулся, но, сдѣлавъ шага три, остановился и робко спросилъ:

— Вы опять къ матушкѣ будете?..

— Нѣтъ. Нѣтъ...

— Не будете? Никогда?

— Никогда. А что?

Митя не отвѣтилъ, двинулся и пошелъ.

Съ этой минуты онъ и бродилъ задумчивый съ вопросомъ въ головѣ: „Что же это? Удивительно оно!“

Удивительнымъ казалось молодому человѣку то обстоятельство, что онъ будто поневолѣ все думалъ и думалъ о гостѣхъ, пріѣзжавшей къ матери. А равно и то, что она больше не пріѣдетъ.

„Если бы ее еще повидать, — думалось ему: — тогда бы ничего. Совѣмъ все просто было бы. А вотъ такъ-то... Никогда больше не видѣть. Удивительно“.

Многихъ молодыхъ дѣвушекъ перевидалъ Митя въ гостяхъ на Вспольѣ, или будучи самъ въ городѣ или съ отцомъ въ гостяхъ у сосѣдей. Иныя изъ нихъ нравились ему слегка, но онъ держался всегда въ сторонѣ отъ нихъ, не заговаривалъ, а онѣ всѣ, по обычаю, ждали его слова и не рѣшались на первый шагъ, держась чопорно.

Теперь же эта маленькая и милая дѣвушка вдругъ, просто и ласково, заговорила, взяла за руку, насыпала орѣховъ. И онъ былъ сразу будто околдованъ ею. Онъ чрезъ сутки еще чувствовалъ невидимую руку, которая держитъ его около локтя, и чужую ладонь на своей ладони съ горстью орѣховъ.

А орѣхи? Онъ ихъ не съѣлъ. Они лежали кучкой у него въ комнатѣ на столѣ, и онъ не трогалъ ихъ. На второй день онъ собралъ ихъ и, завернувъ въ бумагу, заперъ въ ящикъ. Вечеромъ, ложась спать, онъ ихъ вынулъ, переглядѣлъ, будто какую диковину, и опять заперъ. А самъ все повторялъ: „Удивительно!“

XIX.

Трое сутокъ просидѣлъ Иванъ Дмитріевичъ на Вспольѣ безвыѣздно. Ни дѣла въ уѣздномъ городѣ, ни желанія видѣть какого-либо пріятеля по сосѣдству у него не оказывалось.

Карета, якобы починенная ужъ, вернулась, и Федотъ заявилъ барину, что уже всѣмъ во дворѣ разсказалъ, какое было „у насъ съ вами“ приключеніе, и всѣ повѣрили. Въ дѣйствительности Федотъ, уже побывавшій дома наканунѣ, на крестинахъ своего новорожденнаго, ничего никому, конечно, разсказывать не могъ теперь.

— Чего врать-то. Все равно всѣ узнаютъ, что выдумки,—рѣшилъ онъ.

За эти дни Иванъ Дмитріевичъ былъ какой-то странный. Даже всѣ дочери замѣтили въ немъ что-то необычное. Онъ мало разговаривалъ, не только не шутилъ ни съ кѣмъ, а за столомъ, вмѣсто обычныхъ разсказовъ, загадокъ или вопросовъ, онъ сурово молчалъ. И всѣ помалкивали или перемонтывались изъ уваженія къ отцу и хозяину дома.

Но страннѣе всего было обращеніе Ивана Дмитріевича съ женой. Домашніе думали, что онъ — впервые въ жизни—сердитъ на Аллу Павловну, и дивились. Алла Павловна была съ мужемъ внимательнѣе и ласковѣе,

чѣмъ когда-либо, будто заискивала, какъ провинившаяся. Только самъ онъ, одинъ, зналъ правду. А правда была та, что ему стыдно было жены.

Наконецъ, однажды ввечеру, Алла Павловна, нетерпѣливо ожидавшая и искавшая случая завести важную борьбу съ мужемъ, и замѣтивъ, что онъ какъ бы избѣгаетъ оставаться съ ней наединѣ, рѣшилась и, повидимому, храбро, но сильно смущаясь въ душѣ, заявила мужу, что ей хотѣлось бы съ нимъ поговорить объ одномъ совѣтѣ простомъ дѣлѣ.

— Проще нѣтъ, — сказала она. — Но все-таки вы должны это знать и порѣшить. Дозволите, рада я буду, не дозволите, покорюся, какъ всегда. Не обидно будетъ.

— Все, что пожелаешь, безцѣнная моя, — оживился Иванъ Дмитріевичъ. — Все, все... Какъ есть все! Проси хоть луну тебѣ съ облаковъ достать.

И онъ дѣйствительно обрадовался, что у жены есть до него просьба. Будь ихъ сто, этихъ просьбъ, еще бы пріятнѣе было отплатить ей добромъ за добро и облегчить себя, загладивъ свою виноватость.

Алла Павловна прошла въ свою комнату какъ-то быстрее обыкновеннаго, мужъ послѣдовалъ за ней. Теперь она будто тоже стыдилась, не глядя ему въ лицо и, притворивъ дверь, суетливо усеѣлась въ свое большое кресло. Онъ же, наоборотъ, посмѣялся и глядѣлъ мѣлче стыдливо.

— Дѣло у меня до васъ, Иванъ Дмитріевичъ, — заговорила жена. — Какъ будетъ ваша на то воля. Но мнѣ бы очень желалось получить ваше согласіе и разрѣшеніе.

— Говорю вамъ... Говорю тебѣ, Аля моя, добрыйшая, святая моя, Саксоночка ты моя святейшая, какъ всѣ тебя зовутъ... Говорю, проси, чего хочешь, а я тебѣ заранѣе Господомъ Богомъ кличусь, что желаемое тобой будетъ исполнено. Хоть и не сказывай ничего, а дѣлай съ моего разрѣшенія.

— Нѣтъ. Какъ можно. Сказать надо.

— Говори. Но я-то клятву даю предъ Богомъ, что теперь, чего бы ты ни спросила, все я не только разрѣшу, а самъ какъ бы по твоему приказу сдѣлаю.

— Боюсь я вашей клятвы... Не надо было ее давать. Ну, вдругъ моя просьба да покажется вамъ не такою простою, какъ мнѣ сдается...

— Говори, безцѣнная...

— Ну, Господи, благослови... — перекрестилась Алла Павловна. — Страшно малость...

— Говори! Говори!

— Дозвольте мнѣ взять въ домъ на жительство дѣвушку-сироту, безъ матери...

— Приживалку... Да Богъ съ тобой! Хоть сто ихъ бери. Я чаю, и мѣста, и хлѣба хватить у насъ. Или ты обманываешь? Хотѣла просить одно, а со страху пере-

мѣнила и о пустякахъ заговорила? Такъ грѣхъ тебѣ... Я все, все готовъ...

— Нѣтъ, Иванъ Дмитріевичъ. Я правду сказала. Ничего не мѣняла. Но только вы подумайте малость и потомъ отвѣчайте—согласны ли...

Иванъ Дмитріевичъ поглядѣлъ женѣ въ глаза. Она не выдержала его взгляда, изумленного и вопрошающаго, и опустила глаза. Его осыпала мысль...

Наступило молчаніе. И мужъ, и жена сидѣли взволнованные.

Осыпанный Иванъ Дмитріевичъ думалъ:

„Что я, съ ума спятилъ? Что выдумалъ? Понятно, не ее, не Танюшу. Нешто это возможно. Обласкать могла, а чтобы этакое... Въ домъ взять, къ себѣ?..“

И онъ уже смѣло выговорилъ:

— Берите, кого желаете. Бери, безцѣнная... Особливо коли сиротъ, то это дѣло даже богоугодное. Господь грѣхи отпускаетъ за такіа дѣла. Хотя тебѣ оно и не нужно. Ты у меня безгрѣшная, святая.

— Не люблю я, Иванъ Дмитріевичъ, когда вы это измышленіе людское повторяете. Пускай чужіе этакое болтаютъ. Какая я святая! Помилуй Богъ. Я, можетъ, грѣшнѣе многихъ, кабы знать да въ душу мнѣ заглянуть.

— У тебя на душѣ, Аля, такъ же свѣтло, какъ у любого ангела Господня!

— Такъ позволяете?... — перебила Маслова. — И, кого бы я ни взяла, вы на меня не разгнѣваетесь?

— Что ты, Богъ съ тобой...

— Хоть бы вотъ иную дѣвушку, созсѣмъ мною незнаемую, которую я сама только одинъ разъ видѣла... За эти дни. За ваше отсутствіе въ Москвѣ.

— Да что же мнѣ до того, кто и откуда она!.. — снова сильно смутясь, проговорилъ Масловъ и уже со всѣмъ робко спросилъ:—А какъ ее звать?

— И фамиліи ея не знаю... Знаю только имя крестильное. Татьяна.

— Татьяна... — вымолвилъ Иванъ Дмитріевичъ съ такимъ трудомъ, что не могъ договорить.

И опять сразу наступило молчаніе.

— Алла Павловна... — вымолвилъ онъ снова, но упавшимъ отъ волненія голосомъ, и снова смолкъ, будто не имѣя силъ говорить или не зная, что сказать.

Было и то, и другое. Волненіе, охватившее его, мѣшало говорить, да и словъ онъ не находилъ, чтобы выразить то чувство, которое нахлынуло въ душу.

Онъ поднялся, приблизился къ женѣ, вдругъ опустился на колѣни и, взявъ ея обѣ руки, припалъ къ нимъ съ поцѣлуями. И крупныя слезы полились на нихъ.

— Аля... Аля... Я этого за всю мою жизнь...

— Ничего не говорите... Говорить не надо, — шепнула она ему на ухо и поцѣловала въ голову.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Молитва безъ вѣры.

(Изъ Авр. Вольфа).

Когда я думаю о милой,
О мертвой милой, не живой,—
Всегда въ порывѣ сердца руки
Поднять мнѣ хочется съ мольбой.

Съ мольбой куда? Къ кому? Не знаю,
Къ кому бы руки поднимать я,
И гдѣ то любящее сердце,
Куда дошла-бъ мольба моя.

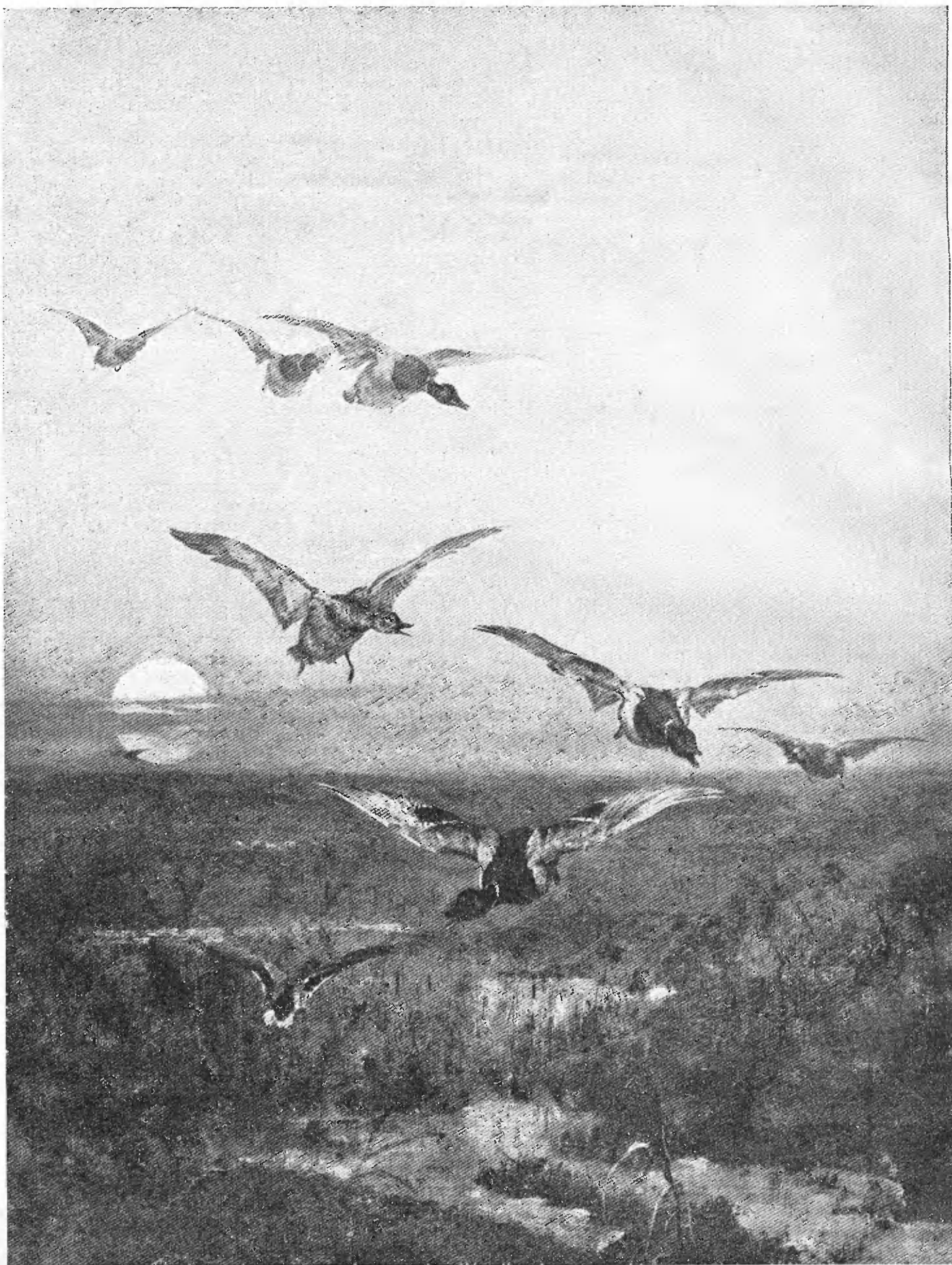
Была бы вѣра, я съ такимъ бы
Молился рвеніемъ, съ какимъ
Еще отъ вѣка не молился
Въ странѣ священной пилитримъ.

Что, если жалѣется сердце,
А слушать некому его?
И гаснетъ въ воздухѣ безслѣдно
Все пламя чувства моего!

Но вѣдь хотѣть молиться—это
Уже мольба; и если есть
Такое мѣсто, гдѣ съ участіемъ
О каждомъ горѣ примутъ вѣсть,—

Молю, чтобъ милая, нашедши
Въ Господнемъ сердцѣ уголокъ,
Тамъ счастье встрѣтила, какое
Дать самъ хотѣлъ я, но не смогъ.

В. С. Лихачевъ.

Дикія утки. Картина Д. Геза, авт. «Шивы».

Медовый мѣсяцъ

Разсказъ А. Турквана.

Въ одно прекрасное сентябрьское утро я спустился съ послѣднихъ отроговъ средняго горнаго кряжа, раздѣляющаго корсиканское предгорье на два склона. Я шелъ по окаймляющей горы тропинкѣ, откуда уже видѣть деревню Кастелло, которая кажется висящею на скалѣ, подымающейся вертикально изъ прелестной долины. Надъ долиною съ рѣзкими криками летали голуби, и спокойно и величественно парилъ орелъ, подобно броненосцу, окруженному флотомъ прикрывающихъ его миноносцевъ.

Моя охота была неудачна, и послѣ шестичасовой ходьбы я возвращался съ пустою почти охотничьею сумкой и съ пустымъ желудкомъ.

Я сдѣлалъ только одинъ выстрѣлъ по какой-то несчастной птицѣ, убилъ ее и положилъ въ свой ягдташъ.

Приближаясь къ деревнѣ, я проходилъ мимо источника, вода котораго образовала сперва обширный бассейнъ, а далѣе — ручей, низвергавшійся въ видѣ водопада. Семь или восемь молодыхъ дѣвушекъ полоскали тамъ бѣлье и при этомъ пѣли пѣсню на какой-то странной, дикой мотивъ. Ея припѣвъ — «чири-бири-би, чири-бири-би, маріола» звучитъ еще и теперь у меня въ ушахъ, какъ только я о ней вспоминаю.

Я на минуту остановился и спросилъ ихъ — не знаютъ ли онѣ въ Кастелло домъ сеньора Пассалакка, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо.

— Да, я его знаю, — отвѣтила одна изъ нихъ. — Пассалакка — люди богатые, они починяе насъ; я стираю ихъ бѣлье, а они — важные люди и не имѣютъ надобности работать. Сеньоръ Антонио Пассалакка женился восемь дней тому назадъ и съ тѣхъ поръ онъ постоянно одѣтъ, какъ баринъ. Да, да, онъ и его жена Ассунта проводятъ теперь свой медовый мѣсяцъ: она можетъ похвастаться своимъ счастьемъ: она добыла себѣ такого красиваго, да къ тому же и богатаго мужа. Но я кончила; идите со мной, я провожу васъ.

Если бы я когда-нибудь въ жизни имѣлъ глупость жениться, то я не желалъ бы, чтобы черезъ нѣсколько дней послѣ моей свадьбы какіе-нибудь надоедливые люди нарушали миръ и согласіе, которые, по моему мнѣнію, должны въ это время господствовать между двумя существами, сдѣлавшимися жертвой утомительной глупости. Они въ такое время, конечно, стараются обманывать себя насчетъ этой глупости посредствомъ тысячи любезностей. Поэтому я боялся, что явлюсь въ качествѣ непрощеннаго гостя и нарушителя мира, и уже подумывалъ пройти въ деревню Орбадунга, гдѣ я навѣрно нашелъ бы что-нибудь поѣсть, и оттуда уѣхать на почтовыхъ въ Бастію. Но молодая прачка, за которою я слѣдовалъ, какъ собака, по узкой тропинкѣ, остановилась и сказала мнѣ:

— Вотъ здѣсь.

Двери и окна дома были плотно закрыты, такъ что его можно было принять скорѣе за домъ печали, чѣмъ за жилище, въ которомъ господствуетъ радость. Моя спутница толкнула дверь и крикнула во все горло:

— Эй, Антонио! Эй, сеньора Ассунта!

Затѣмъ она велѣла мнѣ войти въ большую комнату, гдѣ царилъ совершенная тьма, такъ какъ, по обычаю этой страны, ставни были закрыты. Корсиканки не любятъ яркаго солнечнаго свѣта: онъ слишкомъ темнитъ ихъ кожу.

Я вынулъ изъ сумки единственную застрѣленную мною птицу, въ задумчивости положилъ ее на столъ вмѣстѣ съ ружьемъ и сумкой и скоро очутился въ присутствіи сеньора Пассалакка, который вошелъ какъ разъ въ эту минуту.

Это былъ высокій молодой мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ темнорусыми волосами на головѣ, рыжею бородою и загорѣвшимъ лицомъ, сильный, какъ быкъ. Онъ, очевидно, чувствовалъ себя въ высшей степени стѣсненнымъ въ повсемѣномъ нарядѣ, который онъ купилъ въ магазинѣ «Прекрасной садовницы», въ Бастіи. Онъ, несомнѣнно, надѣлъ это платье въ первый разъ, такъ какъ, повидимому, вовсе не привыкъ къ нему. Онъ показался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ деревенскаго донъ-жуана, пошлаго, незначительнаго и совершенно невѣжественнаго. Разговоръ, въ которомъ говорящими лицомъ были почти одни я, тянулось вло и начиналъ уже советамъ замирать, когда, къ счастью, явилась г-жа Пассалакка. Она представила себѣ яркую противоположность своему мужу. Стройная, живая, веселая, она вѣжливо поздоровалась со мной и, пока я,

отвѣчалъ на ея привѣтствіе, она уже успѣла замѣтить на столѣ мою птицу.

— Развѣ вы не убили ничего, кромѣ этого скворца?

Всероссійскій съѣздъ дворянства въ Петербургѣ (съ 21 по 28 мая с. г.). По фот. К. Булга. авт. «Шивы».

— Это вовсе не скворецъ, — сказалъ Пассалакка: — это старый дроздъ.

— А я говорю тебѣ—это скворецъ.

— А я повторяю, что это дроздъ.

— Говори, что хочешь, но эта птица все-таки останется скворцомъ, — возразила молодая женщина уже раздраженнымъ, рѣзкимъ тономъ.

— Святая Мадонна! Возможно ли, чтобы женщины были такъ упрямы! Вѣдь говорю же я тебѣ, Ассунта, что это дроздъ! Взгляни хоть на сѣрые перья и на желтый носъ...

— Ну такъ что же, что желтый носъ, Антонио? Ты, кажется, не видишь этихъ черныхъ перьевъ, этихъ черныхъ ножекъ. Ахъ, я несчастная! Я вышла замужъ за человека, который упрямѣе осла!

Последнія слова сильно не понравились синьору Пассалакка, споръ становился все жарче, и супруги, повидимому, готовы были серьезно поссориться. Подъ жгучимъ солнцемъ этой страны медъ такъ скоро превращается въ укусы!

Я началъ пенять на себя за то, что былъ косвенною, хотя невольною причиною появленія туши на безоблачномъ небѣ медового мѣсяца. Чтобы положить конецъ спору, я сказалъ, что для меня все-вѣкъ безразлично—скворецъ ли эта птица или дроздъ, да, вѣроятно, и для нихъ также; но что я умираю отъ жажды и былъ бы очень благодаренъ, если бы мнѣ дали чего-нибудь выпить.

Молодые люди, готовые уже разразиться гнѣвомъ, тотчасъ же успокоились. Синьоръ Пассалакка подошелъ къ шкапу и принесъ оттуда цѣлую батарею бутылокъ. Тутъ было вино всѣхъ цвѣтовъ: черное, темно-красное, бѣлое, свѣтло-красное...

Въ каждой бутылкѣ, заткнутой красивою пробкой изъ тонко сплетенной соломѣ, плавала на поверхности вина капля оливкового масла.

Разставляя свои бутылки, синьоръ Пассалакка взглянулъ на меня и сказалъ съ видомъ знатока:

— Будьте увѣрены, синьоръ, ваша птица—дроздъ.

Будьте увѣрены, синьоръ, что ваша птица—скворецъ,—мгновѣнно возразила его жена.

И споръ завязался снова. Оба супруга бросали другъ другу черезъ столъ угрожающіе взгляды и повторяли, какъ будто нарочно дразня одинъ другого:

— Это дроздъ!

— Нѣтъ, это скворецъ!

Я обшешѣлъ. Боже мой! Что же, собственно, произошло за недѣлю между этими супругами, что дало поводъ къ подобному ожесточенному спору? Я слишкомъ хорошо знакомъ съ упрямствомъ бретонцевъ, съ необычайно развитымъ у нихъ духомъ противорѣчія. Но что значило ихъ упрямство въ сравненіи съ тѣмъ страннѣмъ зрѣлищемъ, которое было у меня передъ глазами! Это зрѣлище могло возбудить смѣхъ и довести до слезъ въ одно и то же время! Здѣсь мужъ оспаривалъ у жены пальму первенства въ свосправіи. Я дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы успокоить, образумить ихъ; напрасный трудъ! Они не слушали меня.

«О,—думалъ я:—когда имѣешь дѣло съ душой, то ты долженъ уступить, хотя бы даже тебя самого назвали за это дуракомъ, — и наоборотъ. Бракъ можетъ поддерживаться только взаимными уступками и т. д.»

Но молодые супруги, повидимому, не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго представленія. При каждомъ возраженіи споръ становился все запальчивѣй, и неутомимая говорливость супруговъ не позволяла мнѣ произнести ни слова. Вдругъ синьоръ Пассалакка вскричалъ съ величайшимъ гнѣвомъ:

— Замолчи... или я тебя утоплю.

— Если только посмѣешь, — съ быстротою молніи возразила жена.

Она была очень красива въ эту минуту, стоя со сложенными наперѣ руками прямо передъ мужемъ.

Терпѣніе—добродѣтель рѣдкая и на континентѣ, но въ Корсику она совсѣмъ неизвѣстна. Молодой человекъ, уже не помнявшій себя отъ бѣшенства, принялъ этотъ вызовъ. Онъ сорвалъ съ себя куртку, при чемъ она чуть не разлетѣлась въ куски, бросилъ ее на стулъ, засучилъ рукава рубашки, поплевалъ на руки, потеръ ихъ одну о другую и затѣмъ, схвативъ свою упрямую жену, поднялъ ее, какъ ребенка, и помахалъ съ нею черезъ садъ.

Съ досадою и съ безпокойствомъ я кинулся вслѣдъ за ними, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ опасался, что эта комическая сцена можетъ имѣть трагическую развязку.

Ручей въ концѣ сада, по другую сторону плетня изъ кактусовъ и алоэ, образовалъ круглый, довольно большой бассейнъ, обросшій альпійскими фіалками, золотощетомъ и присомъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи ручей суживался, и вода, стѣсненная между двумя стѣнами, низвергалась съ громовымъ шумомъ, кипя и бурля, и подъ утесомъ, внизу, низлилась въ предѣстную долину Брандо. Какое-то неописуемое смѣшеніе глубоко смущавшихся ползучихъ растений и веселое щебетанье птицъ сопровождали его на пути.

Синьоръ Пассалакка былъ уже у берега ручья, все еще держа жену въ судорожно-схватыхъ объятіяхъ.

Когда я наконецъ добрался до него, я услышалъ звонкій голосъ молодой женщины, которая насмѣшливымъ, поддразнивающимъ голосомъ говорила мужу, и безъ того находившемуся въ состояніи крайняго возбужденія:

— Это скворецъ. Еще разъ повторю—это скворецъ.

Это было сказано въ то самое мгновеніе, какъ я подошелъ къ нимъ; однако, прежде чѣмъ я могъ помѣшать поступку, который предвидѣлъ, по возможности котораго не желалъ вѣрить, — до такой степени чудовищнымъ казался онъ мнѣ, — синьоръ Пассалакка съ силою, удвоенною гнѣвомъ, швырнулъ свою жену въ ручей.

Она исчезла подъ водою. Я вскрикнулъ отъ ужаса. Я хотѣлъ уже броситься въ воду, чтобы спасти жертву собственнаго упрямства и свосправія глупца, ея мужа, когда молодая женщина снова появилась на поверхности воды. Она нагнула ногою почву и встала. Верхняя часть ея тѣла, съ которой струилась вода и которая имѣла такой видъ, какъ будто она была окружена блестящими стеклышками, выдавалась изъ воды; она тряхнула головой, и какая-то чуть замѣтная, невыразимая сатанинская улыбка мелькала у нея на губахъ. Она медленно вышла изъ воды; мокрое платье плотно облегло ея тѣло и откидывалось круглыми складками назадъ, подобно одѣянію какой-нибудь греческой статуи, рельефно выказывая совершенство формъ ея стройнаго, сильнаго тѣла.

Устала, обезсилившаяся, она медленно шла по травѣ съ откинутою назадъ головой и гордымъ взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ было что-то упорное, что заставляло сердце биться сильнѣе.

Синьоръ Антонио, полный достоинства, несмотря на свою гнущность, поджидалъ ее у калитки сада.

— О, Антонио, — крикнула она ему: — ты вѣдь правъ: птица, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ—дроздъ, потому что... ну, да, потому что у тебя есть характеръ! Ты—настоящій мужчина!

Синьора Пассалакка, повидимому, находила, что обладать характеромъ—значитъ имѣть дурной характеръ, и любила своего мужа именно за то, что этотъ оселъ выказалъ себя недостойнымъ никакой любви.

Вся мокрая, она прошла востѣ меня и, не поворачивая головы, почти не шевеля губами, бросила мнѣ вполголоса слова:

— Какая энергія, какая сила! Какъ она красива! Да, ваша птица—несомнѣнно дроздъ.

Всероссійскій сѣздъ дворянства.

(Рис. на стр. 393).

21 мая въ Петербургѣ открылся всероссійскій имперскій сѣздъ дворянства.

Собралось около 150 уполномоченныхъ отъ 34 губерній. Цѣль сѣзда—выяснить путемъ обмена мнѣній современное положеніе дворянства въ имперіи и отношеніе дворянскаго сословія къ текущимъ политическимъ событіямъ.

Сѣздъ собрался въ помѣщеніи главнаго управленія земледѣлія и землеустройства и былъ открытъ княземъ Касаткинскимъ-Ростовскимъ (предсѣдателемъ подготовительной комиссіи по устройству сѣзда). Предсѣдателемъ же самаго сѣзда былъ вслѣдъ затѣмъ избранъ графъ Бобринскій.

Засѣданія сѣзда происходили съ 21 по 28 мая исключительно. Первые три засѣданія были посвящены работамъ организационнаго характера и обсужденію всеподданнѣйшаго адреса Государю Императору.

Въ этомъ адресѣ дворянство характеризуетъ современное положеніе вещей, высказываетъ сужденія по аграрному вопросу и предлагаетъ мѣры, которыя могутъ способствовать умиротворенію страны помимо экспропріаціи земель.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ сѣзда обсуждался проектъ организаціи періодическихъ сѣздовъ, которые должны объединить дворянскія общества и сплотить дворянство въ одно цѣлое. Рѣшено было созывать ежегодные сѣзды.

23 мая сѣздъ занялся рассмотрѣніемъ столь наибольшаго и обострившагося за последнее время аграрнаго вопроса. Въ преніяхъ по этому вопросу выяснились два теченія: одна группа заявила, что совершенно не признаетъ земельной нужды крестьянства и считаетъ аграрныя требованія дѣломъ революціонеровъ. Вторая группа, наоборотъ, признавала острую нужду крестьянъ въ землѣ и необходимость придти къ нимъ на помощь.

Но помощи имъ можно лишь переселеніемъ, принудительное же отчужденіе должно быть отвергнуто. Пренія приняли довольно острый характеръ, и нѣкоторые изъ представителей второй группы (гр. Уваровъ, г. Брянчанниковъ и др.) горячо убѣждали сѣздъ идти навстрѣчу крестьянству въ извѣстномъ его отъ земельной нужды. «Дворянство», говорили они:—должно заглядѣть свои прежніе грѣхи, когда оно недостаточно заботилось о пользѣ трудящагося населенія».

25 мая сѣздъ, послѣ оживленныхъ преній, принялъ резолюцію по аграрному вопросу. Основными положеніями этой резолюціи являются: предоставленіе крестьянамъ полной свободы выхода изъ общины, обезпеченіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ помощи крестьянскому банку при покупкѣ дополнительной и при пріобрѣтеніи новой земли въ предѣлахъ имперіи и наконецъ широкое развитіе переселенческаго дѣла при солидной поддержкѣ государства. Переселенцамъ, по мнѣнію сѣзда, слѣдуетъ отводить падыши безъ обложенія ихъ оброчной податью и оказывать всевозможное содѣйствіе къ расселенію ихъ внутри страны (Сибири).

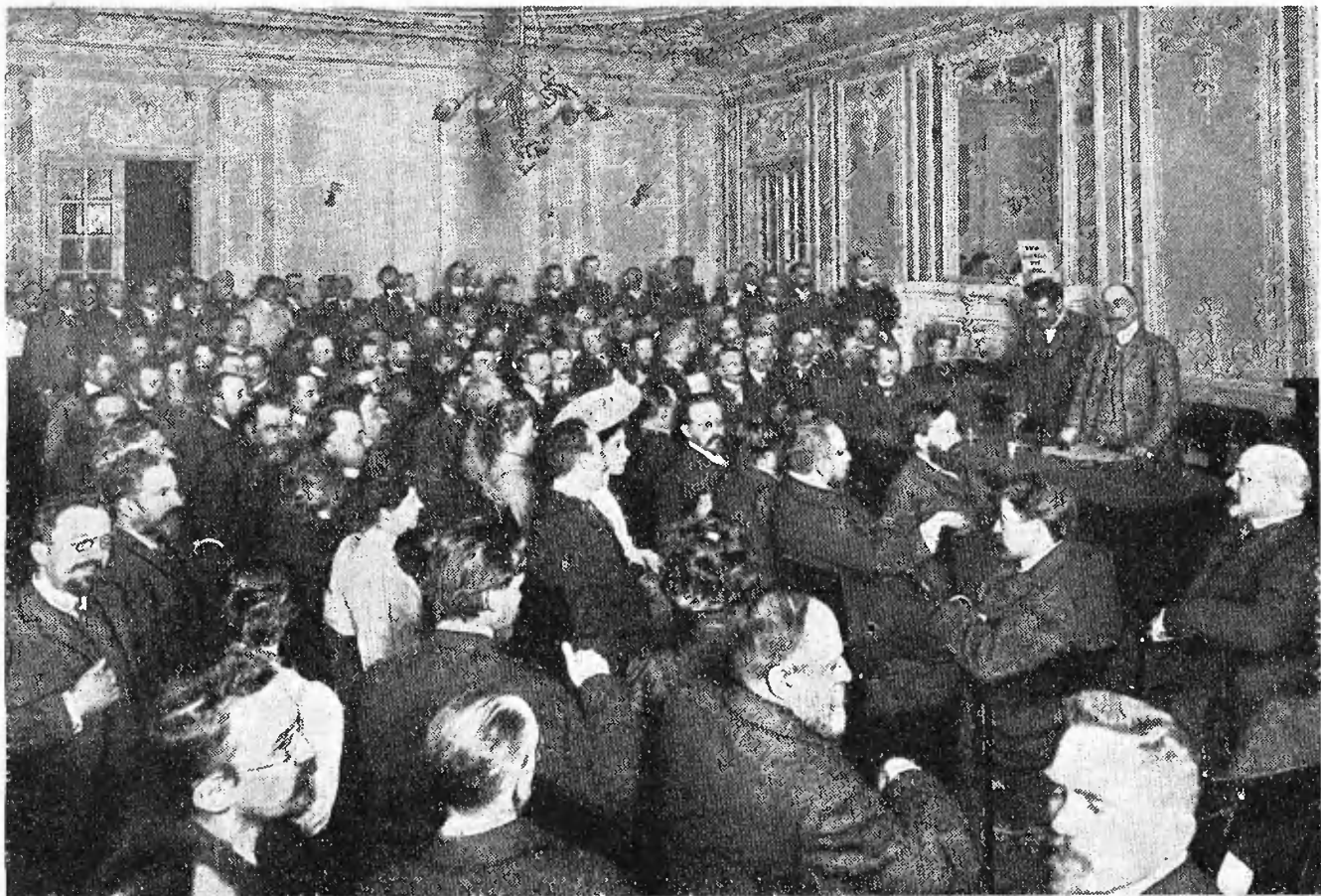
При обсужденіи вопроса о частновладѣльческомъ хозяйствѣ

сѣзды, по предложению сенатора Фролова, единогласно постановить слѣдующую резолюцію:

«Признание права полной собственности за крестьянами на все виды ихъ земельныхъ владѣній составляетъ насущную потребность. Такое признание въ полной мѣрѣ соответствовало бы первоначальнымъ основнымъ предположениямъ освободительнаго акта 19 февраля 1861 года, измѣненнымъ позднѣйшими мѣропріятіями. Возстановленіе права собственности крестьянъ на земли, находящіяся нынѣ въ ихъ пользованіи, существенно необходимо, также какъ и укрѣпленіе такого же права собственности на все остальные виды земельныхъ угодій, переходящихъ нынѣ различными путями къ крестьянамъ, какъ изъ государственныхъ, кабинетскихъ, такъ и частновладельческихъ земель. Национализация земли или передача ея въ арендное пользованіе, хотя бы изъ государственнаго фонда, не соответствуетъ возрѣзнымъ и желаніямъ русскаго народа, совершенно очевиднымъ для тѣхъ, кто дѣйствительно близокъ къ его жизни и духу».

ментаріама, на западъ съ этотъ самый парламентаризмъ подвергся значительному сокращенію и даже временному упраздненію, и управленіе страной было передано въ руки уполномоченнаго чиновника.

Въ этомъ совпаденіи многіе видѣли грозное предзнаменованіе, но дальнѣйшее теченіе и счастливое разрѣшеніе австро-венгерскаго конфликта ясно обнаружили непреодолимую силу общенациональнаго элемента. Для того, чтобы разогнать парламентъ, правительству Франца-Иосифа достаточно было полуроты гонимовъ. Несмотря на вопиющіе приготовления къ сопротивленію, никакого сопротивленія депутаты не оказали и мирно разошлись въ разныя стороны, прекрасно понимая, что противъ штыка всякое парламентское красноречіе безсильно. Поле брани всецѣло осталось за правительствомъ. Ни одна изъ парламентскихъ партій—даже самая крайняя—не стала призывать народъ къ революціи, къ вооруженному возстанію, все покорно подчинилось могущественному побѣдителю. И что же? Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ

Въ клубѣ конституціонно-демократической партіи «Народной Свободы». Учредитель клуба кн. Д. І. Бебутовъ открываетъ засѣданіе. По фот. К. Вула, авт. «Нивы».

26 и 27 мая сѣзды вновь занимались обсужденіемъ адреса Государю Императору. Адресъ этотъ, излагающій мнѣніи о тишетности успокоенія страны, если будетъ принята аграрная реформа въ духѣ социализма, и о необходимости укрѣпить порядокъ, свободу и спокойствіе въ странѣ, подвергся многосторонней критикѣ и послѣ преній былъ 27 мая баллотированъ и принятъ.

Послѣднія засѣданія (27 и 28 мая) были посвящены разработкѣ организационнаго «Имперскаго союза землевладельцевъ», не сочувствующихъ принципамъ коммунизма». «Союзъ» предположено начать съ соглашенія между всеми наличными союзами, которые теперь работаютъ безъ всякой связи. При этомъ представители нѣкоторыхъ союзовъ заявили готовность смѣнить свою политическую окраску или вовсе отказаться отъ нея для скорѣйшаго достиженія успѣха общей всѣмъ имъ экономической программы. Вместе съ тѣмъ обсуждался вопросъ объ изданіи своей «общественной газеты».

Сѣзды дворянства закрылся 28 мая.

Борьба парламента съ правительствомъ въ Австро-Венгріи.

(Политическое обозрѣніе).

Приблизительно съ временемъ открытія русской Государственной Думы совпало насильственное распусценіе венгерскаго парламента, въ помѣщеніе котораго были введены войска. Въ тѣ дни, когда востокъ Европы дѣлалъ большой шагъ въ сторону парла-

ментаризма, на западъ съ этотъ самый парламентаризмъ подвергся значительному сокращенію и даже временному упраздненію, и управленіе страной было передано въ руки уполномоченнаго чиновника. Въ этомъ совпаденіи многіе видѣли грозное предзнаменованіе, но дальнѣйшее теченіе и счастливое разрѣшеніе австро-венгерскаго конфликта ясно обнаружили непреодолимую силу общенациональнаго элемента. Для того, чтобы разогнать парламентъ, правительству Франца-Иосифа достаточно было полуроты гонимовъ. Несмотря на вопиющіе приготовления къ сопротивленію, никакого сопротивленія депутаты не оказали и мирно разошлись въ разныя стороны, прекрасно понимая, что противъ штыка всякое парламентское красноречіе безсильно. Поле брани всецѣло осталось за правительствомъ. Ни одна изъ парламентскихъ партій—даже самая крайняя—не стала призывать народъ къ революціи, къ вооруженному возстанію, все покорно подчинилось могущественному побѣдителю. И что же? Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ

этотъ побѣдитель принужденъ былъ сдаться, сложить оружіе и просить мира у побѣжденныхъ. Министерство Векерле сумѣло достигнуть соглашенія съ короной, добиться важныхъ уступокъ въ военномъ вопросѣ и возстановить конституцію. Но, правда, и этотъ миръ тоже не оказался особенно прочнымъ. Не успѣли кое-какъ наладить дѣло съ національной венгерской арміей, какъ выросъ новый, чрезвычайно острый и щепотливый, вопросъ объ установленіи независимой венгерской таможенной политики. Экономическіе интересы безконечно важнѣ военныхъ эмблемъ, и не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что упоенная сознаніемъ своей силы Венгрія станетъ добиваться таможенной независимости еще энергичнѣе, чѣмъ всякой иной. Престарѣлому императору не хотѣлось омрачать радость только-что достигнутаго примиренія новыми раздорами. Онъ сразу же пошелъ навстрѣчу новымъ венгерскимъ домогательствамъ, разрѣшивъ венгерскому правительству пред- ставить общенемецкій тарифъ на утвержденіе венгерскаго парламента.

Однако слишкомъ большое мирволеніе сенаратистскимъ стремленіямъ Венгріи вызвало горячій протестъ во всей Австріи. Вѣнская печать подняла крикъ, что все идетъ къ неминуемому «отдѣленію Венгріи», что «господство коштувской партіи независимости дастъ основное направленіе всему ходу государственныхъ дѣлъ» и т. д. Австрійскій рейхсратъ большинствомъ 240 голосовъ противъ 8-ми протестовалъ противъ самостоятельной таможенной политики Венгріи, справедливо полагая, что разрывъ экономической связи между обоими государствами будетъ первымъ шагомъ къ окончательному отдѣленію безпокойнаго сожителя.

Н. И. Афанасьевъ
(отъ Донской обл.).

П. С. Борисовъ
(отъ Воронежской губ.).

Я. В. Борисовъ
(отъ Ставропольской губ.).

И. М. Васильевъ
(отъ Области Войска Донского).

В. С. Вихаревъ
(отъ Вятской губ.).

С. С. Выдринъ
(отъ Оренбургской губ.).

И. С. Гарусовичъ
(отъ Ломжинской губ.).

А. Г. Гринскъ
(отъ Волынской губ.).

Я. Е. Дитцъ
(отъ Саратовской губ.).

Князь И. Э. Друцкій-Любецкій
(отъ Минской губ.).

Ф. А. Кругликовъ
(отъ Воронежской губ.).

П. П. Марчукъ
(отъ Волынской губ.).

З. С. Мишинъ
(отъ Ставропольской губ.).

И. М. Наконечный
(отъ Люблинской губ.).

В. С. Нечаевъ
(отъ Вятской губ.).

И. Н. Овчинниковъ
(отъ Вятской губ.).

И. В. Островскій
(отъ Радомской губ.).

Д. Д. Протопоповъ
(отъ Самарской губ.).

М. И. Рыбаковъ
(отъ Оренбургской губ.).

П. А. Садыринъ
(отъ Вятской губ.).

М. И. Свѣшниковъ
(отъ Оренбургской губ.).

А. М. Скасырскій
(отъ Области Войска Донского).

Ф. Е. Смыченко
(отъ Киевской губ.).

И. В. Степинъ
(отъ Орловской губ.).

И. М. Торшинъ
(отъ Воронежской губ.).

В. Т. Трифановъ
(отъ Новгородской губ.).

В. П. Филатовъ
(отъ Нижегородской губ.).

Ш. Х. Хусановъ
(отъ Вятской губ.).

Члены Государственной Думы.

Замѣчательно, что противъ Венгріи голосовали всѣ партіи—даже социалисты. Вѣнское населеніе позволило себѣ враждебную демонстрацію противъ венгерской делегаціи, при чемъ въ раскрытое окно залы, гдѣ происходило засѣданіе, при ревѣ и свисткахъ нодующей толпы были даже брошены пожъ, нкого, впрочемъ, не ранившій. Поставленный между двумя враждующими народностями, престарѣлый императоръ только силою своего авторитета сумѣлъ предотвратить открытое столкновение. Ему повелѣтъ приходилось жертвовать частью, чтобы сохранить цѣлое. Несогласіе князя Гогенлоэ съ рѣшеніями императора вызвало затѣжной и крайне тяжелой министерскій кризисъ. Положеніе создало столъ запутанное и безысходное, что пошли усиленные толки объ «усталости» магистаго правителя и объ экстренномъ вызовѣ въ Вѣну наследника престола. Къ счастью, въ концѣ концовъ государственное благоразуміе взяло верхъ надъ политическими страстями, и все болѣе или менѣе уладилось. Любимому въ обѣихъ половинкахъ своей двойственной имперіи Францу-Иосифу еще разъ удалось блестяще разрѣшить задачу, довольно обычную въ политикѣ—перевезти на одной лодкѣ волка, козу и капусту цѣлыми и невредимыми, или, по крайней мѣрѣ, безъ явнаго, видимаго для глазъ, ущерба. Въ далекомъ будущемъ никто не заглядываетъ, а нынѣшнимъ положеніемъ всѣ болѣе или менѣе довольны, потому что въ странѣ нѣтъ ни революціи, ни междоусобицы, и пока-что Венгрія все-таки еще не отделилась отъ Австріи. Сознаніе своей слабости заставляетъ нѣмецкую партію, составляющую, такъ сказать, самое ядро государственно-объединительнаго теченія, примириться съ необходимостью. Для того, чтобы противостоять сепаратистскимъ стремленіямъ венгерцевъ, Австрія, очевидно, принуждена раньше какъ-нибудь внутренне пересоздаться на какихъ-то иныхъ государственно-этическихъ началахъ. И дѣйствительно, даже для такого мягкаго разрѣшенія венгерскаго вопроса ей понадобились коренныя перемѣны въ технику государственнаго управленія. Подъ вліяніемъ венгерскихъ осложненій сильно поднимаютъ свой голосъ всѣ болѣе или менѣе значительныя племена многоплеменной имперіи, и образовать новое министерство, признавшее таможенную автономію Венгріи, императору удалось, только сдѣлавъ значительныя уступки требованіямъ чешскихъ и польскихъ партій. Въ министерство Бека вступили парламентскіе представители всѣхъ главныхъ народностей Австріи. Злые карикатуристы изображаютъ новое австрійское правительство чѣмъ-то въ родѣ вавилонскаго столпотворенія послѣ смѣшенія языковъ, но, повидимому, разноязычные министры лучше могутъ понять разноплеменную страну и легче договориться съ нею. Незамѣтно, шагъ за шагомъ, Австрія отступаетъ отъ традицій германскаго первенства и приходитъ къ системѣ равенства народностей.

На этотъ путь открыто становится министерство Бска. Въ своей программной рѣчи новый министръ-президентъ произнесъ нѣчто въ родѣ клятвы уладить всевозможные спорные вопросы между отдѣльными национальностями и въ особенности урегулировать отношенія между чехами и нѣмцами. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ тому является въ его рукахъ широкая реформа избирательнаго права, которое, несомнѣнно, въ ближайшемъ же будущемъ будетъ перестроено на началахъ равнаго и прямого голосованія. Декларация министерства встрѣтила горячее сочувствіе общества, и первый дебютъ министровъ въ палатѣ сразу получилъ значеніе крупнаго культурно-политическаго событія. Такое значеніе министерскихъ заявленій еще болѣе подчеркивается особымъ вниманіемъ императора къ чешскому часу министерства, допущату Пачаку. Послѣ принятія присяги, императоръ сказалъ ему, что вступленіе представителей чешскаго народа въ министерство является великимъ патристическимъ подвигомъ. Такимъ образомъ побѣда венгерцевъ неожиданно отразилась дѣйствительнымъ уравниеніемъ правъ всѣхъ народностей Австріи.

Грезы. (Рис. на стр. 388).

Усталый пастухъ забылъ о томъ, что уже наступила ночь, и пора вернуться со своихъ стадомъ домой. Онъ дремлетъ и въ своей дремотѣ видитъ чудесную грезу: надъ нимъ склоняется прекрасная королева съ жемчужной короной на головѣ и въ блоснѣжномъ платьѣ, шлейфъ котораго терется въ бѣломъ туманѣ, поднимавшемся надъ лугами. Она прикасается къ его плечу своей нѣжной рукой и говоритъ бѣдняку: «Ты усталъ, ты изнемогъ отъ тяжелаго труда, ты не знаешь въ жизни никакой отрады. Пойдемъ въ мой дворецъ: я покажу тебѣ красоту и радость жизни. И ты сможешь сказать потомъ: «Я видѣлъ счастье! Хотя въ мечтѣ, хотя во снѣ, но я все-таки узналъ, что называется счастьемъ; я узналъ то, о чемъ мечтаешь, къ чему стремишься, изъ-за чего бьется весь міръ!» Таково содержаніе поэтической картины художника А. Куртена.

Филиппъ II. (Рис. на стр. 389).

Картина испанскаго художника Л. Альвареса принадлежитъ къ тѣмъ величавымъ произведеніямъ искусства, въ которыхъ предъ современнымъ зрителемъ встаетъ исторія давно прошедшихъ вѣковъ. Мы видимъ сцену изъ жизни короля Филиппа II. Могушественный король обсуждаетъ влѣстѣ со своимъ придворнымъ архитекторомъ планъ постройки Эскуріала. Мѣсто для будущаго грандіознаго дворца находится именно здѣсь, среди пустынныхъ горъ Гвадарраца, и король, сидя на вытесанномъ для него каменномъ стулѣ, внимательно слушаеъ рѣчь архитектора и мысленно уже видитъ среди этой каменистой пустыни высокія стѣны и башни Эскуріала.

Въ Государственной Думѣ.

Истекшая парламентская недѣля ознаменовалась новымъ серьезнымъ столкновеніемъ народнаго представительства съ правительственной властью.

Засѣданіе 8-го іюня было особенно бурнымъ. Оно открылось при совершенно переполненной залѣ. Мѣста для прессы, ложи для публики были буквально набиты биткомъ: нѣкоторые журналисты принуждены были переваливаться наружу чрезъ барьеръ ложи, чтобы хоть какъ-нибудь высвободить руки для писанія.

Въ министерской ложѣ присутствовали гг. Щегловитовъ, Столыпинъ, Иванебаха, Гурко и нѣкоторые другіе представители правящихъ сферъ. Ихъ присутствіе, а главнымъ образомъ намѣреніе министровъ—Щегловитова и Столыпина—дать отвѣтъ на изнѣстные запросы Государственной Думы, и собрали въ этотъ день такое количество публики и такъ наэлектризовали залу засѣданія.

Однако выступленіе министровъ на думской трибунѣ нѣсколько задержалось процедурой выборовъ въ думскую редакціонную комиссію. И только около пяти часовъ вечера наступилъ долго-жданый моментъ засѣданія.

Первымъ выступилъ г. Щегловитовъ. Въ качествѣ министра юстиціи, онъ далъ Думѣ отвѣтъ на запросы о технологѣ Щербакѣ, арестованномъ по дѣлу о крестьянскомъ союзѣ, и объ учащихся мальчикахъ, вавесшихъ въ Варнаѣ легкія рапы инспектору начальныхъ училищъ и преданныхъ за это военному суду по статѣ, угрожающей смертною казнью.

Г. Щегловитовъ заявилъ Думѣ, что Щербакъ содержится подъ стражей до внесенія обычнаго судебного залога. Что касается варнавскихъ учащихся, то хотя они и преданы суду по 279 ст., влекущей за собою смертную казнь, но отъ суда зависятъ «конкретизировать данную статью», т. е. рѣшить вопросъ, приѣмима ли она въ данномъ случаѣ? И такимъ образомъ мальчикамъ нѣтъ никакой прямой и непосредственной опасности быть казнеными.

Вслѣдъ за г. Щегловитовымъ на трибуну взомелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Столыпинъ. Въ свое время Дума сдѣлала ему запросы объ оборудованной департаментомъ полиціи типографіи, печатавшей воззванія, возбуждающія одну часть населенія противъ другой, о безпорядкахъ въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ и относительно переполненія тюремъ.

По первому вопросу г. Столыпинъ объяснилъ, что въ декабрѣ 1905 года, дѣйствительно, жандармскій офицеръ Комиссаровъ отпечаталъ на конфискованной по одному политическому дѣлу машинѣ воззваніе къ солдатамъ, въ которомъ солдаты призывались исполнить свой долгъ при столкновеніяхъ съ мятежниками. Воззваніе это было отправлено въ Вильну. Готовились къ печати еще и другое воззваніе къ избирателямъ Госуд. Думы, но начальство своевременно узнало объ этомъ и приняло мѣры къ изытанію обоихъ воззваній, а виновнику было указано на несовѣстность подобныхъ заявленій со службой по департаменту полиціи.

Далѣе г. Столыпинъ упомянулъ о дѣятельности ротмистра Будаговскаго въ поселкѣ Александровскомъ. Подстрекателемъ къ погрому Будаговскій, по словамъ министра, считаться не можетъ за невоспользованіемъ самаго погрома. Департаментъ полиціи, со своей стороны, не можетъ быть обвиненъ въ соучастіи съ дѣятельностью Будаговскаго.

«При всемъ томъ,—замѣтилъ г. Столыпинъ:—несомнѣнно, что отдѣльные члены корпуса жандармовъ позволяли себѣ вопліи самостоятельныхъ дѣйствій, вмѣшавшись въ политическую агитацію. Если эти дѣйствія исправлены, министерство обязывается принять самыя энергическія мѣры, чтобы подобное не повторялось. Я смѣю ругаться, что повторенія не будетъ».

Относительно погромовъ, происшедшихъ въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ далъ слѣдующія объясненія: Безпорядки въ Вологдѣ были вызваны насильственнымъ закрытіемъ лавокъ. Манифестанты требовали прекращенія торговли, что озлобило крестьянъ. Объектомъ разгрома оказалась, главнымъ образомъ, народный домъ—и это потому, что въ народномъ домѣ зимой постоянно устраивались митинги политическихъ ссыльныхъ, при чемъ проповѣдывались крайнія идеи. Въ дѣйствіяхъ вологодской полиціи и мѣстнаго жандармскаго ротмистра Пиликина г. Столыпинъ не усматриваетъ никакой незаконности.

Что касается погрома въ Царицынѣ, то онъ, по словамъ министра, далъ поводъ къ нареканіямъ противъ полиціи, и потому уже приняты соответственные репрессивныя мѣры. Въ Калязинѣ во время происшедшихъ тамъ безпорядковъ, наоборотъ, дѣйствія мѣстной полиціи слѣдуетъ признать правильными.

«Но я думаю,—прибавилъ г. Столыпинъ:—что эти неправильныя дѣйствія не позволяютъ утверждать, что болѣшая часть полицейскихъ не исполняетъ своего долга. За послѣдніе полгода полиція свято исполнила свой долгъ: она потеряла 288 человекъ убитыми, 383 ранеными. Кромѣ того насчитывается 156 неудавшихся покушеній».

Наконецъ, по поводу запроса о переполненіи тюремъ и о дѣлѣйшей тактикѣ министерства, г. Столыпинъ заявилъ, что «имѣ сдѣлано все для ускоренія пересмотра дѣлъ о политическихъ заключенныхъ, и что пересмотръ въ полномъ ходу». Въ заключеніе министръ произнесъ: «Я предвижу возраженія, что законы, существующіе нынѣ, настолько не совершенны, что всякое ихъ исполненіе можетъ вызвать только ропотъ. Мы рисуемъ волшебный кругъ, изъ котораго выходъ только одинъ:—признавать существующіе законы до созданія новыхъ, ограждалъ по мѣрѣ возможности и всеми силами права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя ска-

затягивать часовой: «У тебя старое кремневое ружье: брось его». Часовой должен ответить: «Пока я на посту и мне не дано повать оружие, я буду стараться действовать как можно лучше старым». Повторяю, что обязанность правительства оградить спокойствие и охранять свободу, и я буду принимать в этом направлении все меры для осуществления самых широких реформ и водворения порядка».

За г. Столыпинным на трибуну взлезла кн. Урусов (депутат Казанской губ., бывший товарищ министра внутренних дел). Он начал с вопроса: был ли в самой организации нашего министерства внутренних дел таких органических недостатков, которые делают министров бессильными в борьбе со злом? Для разъяснения этого вопроса оратор обратил внимание слушателей на погромы и их историю. Тщательное наблюдение за последними погромами доказало, по его словам, что эти погромы протекают почти всегда при одинаковых условиях, и в действительных погромщиков всегда наблюдается плановость: они всегда работают точно в сознании какого-то права. Является убеждение о существовании большой и правильно поставленной агитации.

В январе текущего года в министерство внутренних дел стали поступать прокламации (из городов южной России), призывавшие к погромам. Лицо, к которому они поступали, приняло энергичные меры против погромов, и погромы были предотвращены. При этом обнаружилось, по словам кн. Урусова, что боевая дружина одного из «патриотических» обществ, находившаяся в связи с с одной не-петербургской газетой, видя корень зла в инородцах, призывает в своих воззваниях общество к самосуду над евреями и другими инородцами. Воззвания распространяются в провинции в огромных количествах, при чем сбыту их и распространению усердно способствуют между другими лицами, и некоторые чиновники, пристава и т. п. Чиновники эти действуют самостоятельно, не докладывая даже своему начальству. Из министерства, конечно, поступают циркуляры о необходимости принять «самые энергические меры». Губернаторы всегда действуют успокоительно. Подалеку не все члены полиции считают нужным подчиняться министерским циркулярам. «Я сам был свидетелем», — сказал кн. Урусов: — того, как члены полиции говорили об этих циркулярах, как о чем-то неважном. Они позволяют себе даже утверждать, что их лучше известны виды правительства, чем авторам этих циркуляров».

Заканчивая речь, кн. Урусов в своем окончательном выводе замечает, что вся эта организация стоит вне сферы воздействия министра внутренних дел, и потому «никакое министерство не сможет обеспечить России порядка до тех пор, пока темные силы будут хвататься грубыми руками за отдельные важные части государственного механизма и производить вивисекции над живыми людьми».

Дума проводила эту речь бурными аплодисментами.

Вслед за кн. Урусовым говорил г. Винавер, сообщивший еще несколько подробностей к тому, что нарисованной его предшественником картин. За ним выступил на трибуну г. Набоков и восстановил некоторые подробности вологодского погрома, неправильно, по его словам, освещенные министром внутренних дел.

Министр внутренних дел снова появился на трибуне и в краткой речи опровергал заявления г. Набокова.

«Я получил всю полноту власти, — между прочим, заявил г. Столыпин: — и несу всю полноту ответственности. Если бы были признаки, что мне мешают посторонние силы, я ушел бы в отставку».

Речь министра была несколько раз прервана криками. Министр, возвысив голос, воскликнул:

«Эти крики мне мешают, но не смущают меня! Я применяю законы, доколе они существуют. Обязанность изжить их лежит на Государственной Думе!»

Председатель энергично звонил, призывая к порядку. Министр удалился, и мало по малу в заседании водворилось более спокойное настроение. Обсуждение ответов министров Столыпина и Щегловитова было отложено на следующий день.

Заседание, по обыкновению, закончилось докладом очередных запросов.

В заседании 9 июля происходили дебаты по поводу министерских ответов. Говорили гг. Рамишвили (депутат от г. Тифлиса), Аладьин, М. Ковалевский, Гредескул, Щепин и другие.

Г. Рамишвили сообщил о различных незаконных действиях администрации на Кавказе. М. Ковалевский сделал любезную

1) Я. А. Абрамов (Казанск. г.), 2) В. Н. Федоровский (Измайск. г.), 3) Н. Д. Алексин (Орл. г.), 4) Е. Д. Попов (Тамб. г.), 5) С. Я. Тумбов (Вятск. г.), 6) М. И. Литвинов (Сарат. г.), 7) С. Т. Таран (Киевск. г.), 8) В. А. Кореньков (Могилевск. г.), 9) М. А. Вучор (Подольск. г.), 10) Д. Г. Гостев (Рязанск. г.), 11) М. С. Готовецкий (Вяземск. г.), 12) М. М. Жуковский (Троицк. г.), 13) С. М. Корнилов (Вятск. г.), 14) Н. В. Жигиль (Волгатавск. г.), 15) И. Е. Шувалов (Самарск. г.), 16) В. Ф. Врагов (Пензенск. г.), 17) В. Ф. Лебедев (Владимирск. г.), 18) В. М. Оникп (Ставропольск. г.), 19) И. В. Тарасенко (Черниговск. г.), 20) А. Г. Гринюк (Волыньск. г.), 21) В. Н. Чуринов (Московск. г.), 22) И. Е. Соломко (Курск. г.), 23) П. В. Шарков (Самарск. г.), 24) П. М. Попов (Оренбургск. г.), 25) Е. Е. Уткин (Тамбовск. г.), 26) Т. Т. Нестеренков (Киевск. г.), 27) А. Н. Вовзвин (Екатеринбургск. г.), 28) Н. С. Немирович (Ташкент. г.), 29) Г. С. Бадашнин (Казанск. г.), 30) И. Г. Гнатенко (Подольск. г.), 31) М. И. Свешников (Оренбургск. г.), 32) С. К. Бочаров (Тамбовск. г.), 33) З. И. Вировый (Киевск. г.), 34) И. Ф. Савельев (г. Москва), 35) И. О. Шилихин (Астрах. г.).

Депутаты «трудовой группы» Государственной Думы в совещательной комнате.

По фот. А. О. Дранкова, авт. «Нивы».

историческую справку о том, что и в Англии, и во Франции существовали некогда кружки лиц, мешавших проведению реформ. Некоторые оживление в эти дебаты внес крестьянский депутат Федченко.

«Я сам два раза должен был personally участвовать в погромах и могу удостоверить, что в погромах виноваты не правительство, не прокламации, а единственно наше крестьянское невежество, наше безправие и темнота».

Вопрос о министерских разъяснениях завершился принятием предложенной г. Гредескулом формулы перехода к очередным делам; Дума высказала в ней свое отрицательное отношение к погромной организации и убеждение, что только ответственное перед народом и опирающееся на народное представительство министерство может вывести страну из тяжелого волнения.

Следующее заседание Государственной Думы (12 июля) опять ознаменовалось резкими инцидентами, так как на думской трибуне снова выступил министр внутренних дел.

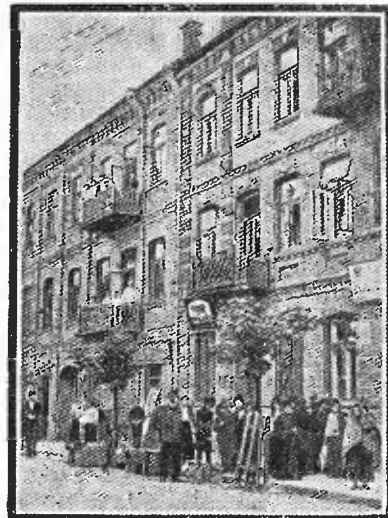
Начало заседания было посвящено речам только что прибывших новых членов Государственной Думы — представителей Кавказа. Депутаты Зияханов, Эльдерханов и Богадуров нарисовали довольно яркую картину современной жизни Кавказского края.

В 4 ч. пополудни перед народными представителями вновь предстал министр внутренних дел, г. Столыпин, пожелавший дать разъяснения на запрос о мерах помощи голодающему населению и о препятствиях, чинящихся местной администрацией частным лицам и продовольственным предприятиям.

Г. Столыпин сообщил данные о правительственной продовольственной кампании прошлого года. Голод затронул 24 гу-

Семья Кац, убитая
на лесопильном за-
воде.

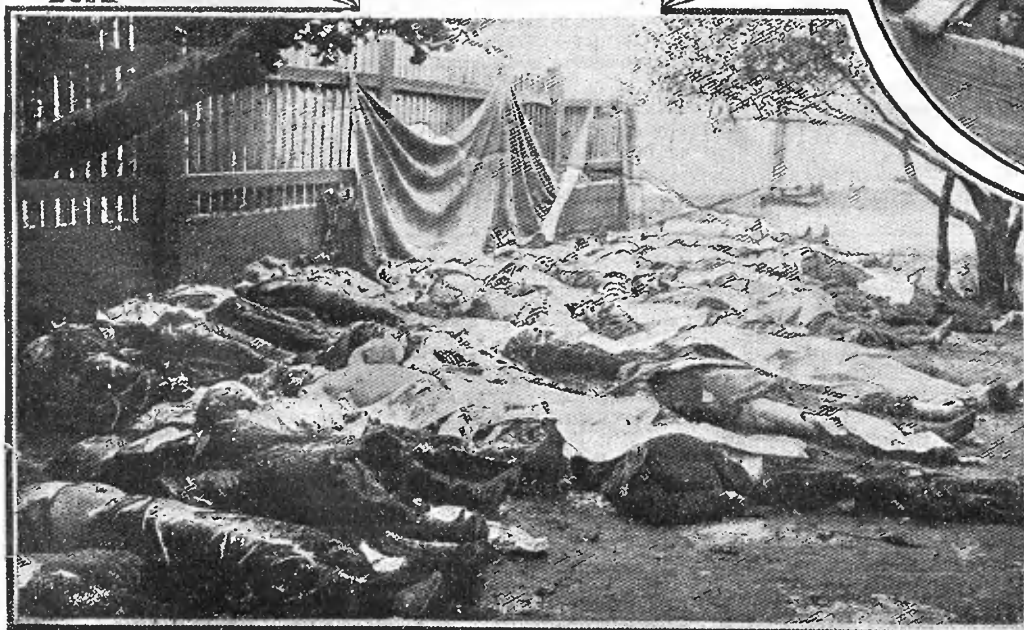
Домъ Маковского, изъ кото-
раго, по слухамъ, раздался
револьверный выстрѣлъ въ
религіозную процессію.

Въ ожиданіи погребенія. Лица
посланы нафталиномъ.

У трупа отца.

Трупы, сложенные во дворѣ еврейской больницы.

Институтская улица.

бернии и 2 области. На осуществление было затрачено министерством 3½ миллиона рублей. Вслед за съезженной началась кампания продовольственной. Хлеб закупался по весьма недорогим ценам, и, в общем, было израсходовано на покупку хлеба 54.196.717 руб. На организацию продажи корма для скота было израсходовано свыше 9 милл. рублей. Организация общественных работ обошлась министерству в 3 милл. рублей. В общей сложности, продовольственная кампания обошлась в 73 миллиона руб., и в настоящее время имеется еще остаток—300.000 руб.

Что касается эпидемических заболеваний, то, по словам г. Столыпина, они наблюдались лишь спорадически, и против них министерство принимало меры.

Относительно крестьян, принимавших участие в аграрных беспорядках и лишенных за это продовольственной помощи, оратор объяснил, что, действительно, имеется циркуляр, устанавливающий такую кару. Но кара эта касается только самих виновных, а не распространяется на их семьи.

Пакониче, касательно запроса о том, что местные власти мѣшают частным лицам кормить голодающих, г. Столыпин заявил, что такие лица были уличены в революционной деятельности. В других случаях препятствия хотя и дѣлались, но потом были устранены. «Если преступно чинить препятствия тем, кто кормит голодающих,—заключил министр,—то не менее преступно оставить власть в полном бездѣйствіи по отношенію къ тем, кто прикрывается филантропическими цѣлями для революционной пропаганды». Что касается будущей продовольственной кампании, то, по словам г. Столыпина, министерство внесет в Думу предложение о разрѣшеніи крупнаго расхода на борьбу съ голодомъ въ текущемъ году.

Рѣчь министра вызвала оживленные дебаты. Большинство ораторов не соглашалось съ заявлениями г. Столыпина. Одинъ изъ ораторов (кн. Н. Н. Львовъ) высказался въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ довѣрять правительственнымъ органамъ въ дѣлѣ продовольственной помощи, а нужно передать ее цѣлкомъ въ руки специально избранной Думою комиссіи.

Въ отвѣтъ на всѣ эти рѣчи г. Столыпинъ выступилъ съ репликой. Но министра, то и дѣло, прерывали возгласы и крики лѣвой стороны. Онъ повысилъ затѣмъ голосъ и произнесъ:

«На угрозы я, министр внутреннихъ дѣлъ, постель законной власти, отвѣчать не буду!»

Буря продолжалась и послѣ этого, и г. Муромцевъ стоило большихъ трудовъ усюкотить собраніе. Бурное засѣданіе закончилось вотированіемъ соответственной переходной формулы и принятіемъ новыхъ запросовъ. Въ своей формулѣ Дума признаетъ, что дѣло продовольственной помощи всего болѣе тормозилось внимательствомъ администраціи; вмѣстѣ съ тѣмъ Дума заявляетъ, что считаетъ необходимымъ организовать помощь при участіи общественныхъ элементовъ, а разработку плана организаціи поручаетъ продовольственной комиссіи.

Въ засѣданіи 13-го іюня Государственная Дума обсуждала цѣлый рядъ новыхъ запросовъ (по вопросу о спѣлности).

А. И. Байковъ. (Портр. на этой стр.).

21-го мая скончался въ Павловскѣ, послѣ продолжительной болѣзни, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ хирургъ и докторъ по женскимъ болѣзнямъ, почетный гофъ-медики Двора Ея Величества, тайный совѣтникъ А. И. Байковъ.

Популярность его имени въ кругу его больныхъ можетъ служить лучшимъ выраженіемъ той благодарности, какую они при-

тали къ нему за внимательное отношеніе и за умѣлое и талантливое лѣченіе. Въ адресѣ, подписанномъ А. И. его товарищами-врачами въ день 25-ти-лѣтія его медицинской дѣятельности, перечислено, что за эти 25 лѣтъ его медицинской помощью воспользовалось болѣе 4.300 хирургическихъ больныхъ, которыми А. И. произведено 1.335 операций; въ амбулаторной лѣчебницѣ имъ принято 20.000 больныхъ и произведено болѣе 1.500 операций; во время Восточной 1877 года войны имъ, въ качествѣ старшаго врача Марининскаго барачнаго Ея Величества госпиталя, в. с. Корнелитъ пользовано 360 раненныхъ и произведено 250 операций. Въ общемъ, только въ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ обществу Краснаго Креста, А. И. пользовано болѣе 15.000 больныхъ и произведено болѣе 3.000 операций. За время, протекшее съ тѣхъ поръ донынѣ, эти цифры увеличились значительно.

18-го мая 1905 г. Пироговское хирургическое общество, въ оцѣнку выдающихся заслугъ А. И., избрало его единогласно своимъ почетнымъ членомъ.

А. И. Байковъ родился 20-го августа 1841 г. и принадлежалъ къ старинной дворянской фамилии. Медицинское образованіе получалъ въ петербургской Императорской медико-хирургической академіи. Черезъ годъ онъ сдѣлалъ въ патологическо-анатомическомъ кабинетѣ профессора М. М. Руднева замѣчательную работу для докторской диссертации: «о трансплантациіи костнаго мозга»; работа эта представляла громадную научную цѣнность.

Какъ преподаватель клинической хирургіи въ училищѣ лѣкарскихъ помощниковъ и фельдшерницъ Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ въ теченіе тридцати лѣтъ, А. И. для всѣхъ служилъ примѣромъ выносливости, терпѣнія и высокаго уваженія къ долгу и принятымъ на себя въ отношеніи больныхъ обязанностямъ. Работалъ подѣ его непосредственнымъ руководствомъ болѣе 100 фельдшерницъ и болѣе 200 лѣкарскихъ помощниковъ приобщали къ познанію, который закрѣпили къ нимъ довѣріе общества и добрую славу въ средѣ страждущихъ. По собственному признанію его ученицы, онъ выполнялъ оцѣнки его требовательности во всемъ, что касалось интересовъ больного. Онъ все время собственнымъ примѣромъ училъ ихъ видѣть въ больномъ прежде всего страждущаго человѣка. Послѣднее время болѣзнь мѣшала ему выполнѣ отдаваться плодотворной своей дѣятельности, но, оставаясь въ дамскомъ лазаретномъ комитетѣ и другихъ учрежденіяхъ и обществахъ, А. И. до конца дней, насколько позволяли силы, работалъ на пользу высокаго дѣла служенія ближнему.

СМѢСЬ.

Къ свѣдѣнію портъ-артурцевъ.—Русско-Китайскій банкъ проситъ опубликовать слѣдующее сообщеніе:

«При залитіи японцами Портъ-Артура 20 декабря 1904 г., ими было конфисковано все дѣлопроизводство находившагося тамъ отдѣленія Русско-Китайскаго банка со всѣми книгами, документами и пр., вслѣдствіе чего банкъ до сихъ поръ былъ лишенъ возможности произвести расчетъ съ болѣею частью своихъ кліентовъ.

«Нынѣ эти книги наконецъ банкомъ получены обратно, о чемъ банкъ и дѣлаетъ соответствующее объявленіе. Но такъ какъ огромное число кліентовъ портъ-артурскаго отдѣленія—запасные нижние чины, разлѣхавшіеся по деревнямъ, то въ интересахъ этихъ кліентовъ возможно болѣе распространеніе этого извѣстія».

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1906 г., къ 1 іюня слѣдовало внести не менѣе 6 руб., а гг. новымъ подписчикамъ, выписавшимъ и первыя 10 книгъ соч. Салтыкова-Щедрина—не менѣе 8 руб. Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озвѣститься немедленно редакціи причитающагося съ нихъ взноса, во избѣжаніе останова въ высылкѣ имъ журнала съ № 27 (отъ 8 іюля). При высылкѣ денегъ просимъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Саксонка. Историко-бытовая повѣсть, гр. Салиаса.—Молитва безъ вѣры. Стихотвореніе С. Лихачова.—Медовый мѣсяць. Разсказъ А. Турквана.—Всероссійскій съѣздъ дворянства.—Борьба парламента съ правительствомъ въ Австро-Венгріи. (Политическое обозрѣніе).—Грѣзы.—Филипп II.—Въ Государственной Думѣ.—А. И. Байковъ.—Заявленіе.—Объявленіе.

РИСУНКИ: Съ фуражировъ.—Грѣзы.—Филипп II въ Эскуриаль.—Дикія утки.—Всероссійскій съѣздъ дворянства въ Петербургѣ (съ 21 по 28 мая с. г.).—Въ клубѣ конституціонно-демократической партіи („Народной свободы“). Уредитель клуба кн. д. і. Бебутовъ открываетъ засѣданіе.—Члены Государственной Думы. Допутаты „трудовой группы“ Государственной Думы въ совѣщательной комнатѣ.—Погрочъ въ бѣлостокъ (7 рс.).—Почетный гофъ-медики А. И. Байковъ.

Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 24.

